

Моей жене Соне и сыну Теме, с любовью.

Автор

Данный текст допустим для сил Света.

Ночной Дозор

Данный текст допустим для сил Тьмы.

Дневной Дозор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩЕЕ ДЕЛО

ПРОЛОГ

Лера смотрела на Виктора и улыбалась. В каждом мужчине, даже самом взрослом, живет мальчишка. Виктору было двадцать пять, и он, конечно же, был взрослым. Валерия готова была отстаивать это со всей убежденностью влюбленной девятнадцатилетней женщины.

– Подземелья, – сказала она на ухо Виктору. – Подземелья и драконы. У-у-у!

Витя фыркнул. Они сидели в комнате, которая была бы грязной, не будь она такой темной. Вокруг теснились возбужденные дети и смущенно улыбающиеся взрослые. На разрисованной мистическими символами сцене кривлялся молодой парень с белым от грима лицом и в развевающемся черном плаще. Снизу его подсвечивало несколько багровых лампочек.

– Сейчас вы встретитесь с ужасом! – протяжно кричал парень. – А! А-а-а! Мне самому страшно от того, что вы увидите!

Произношение у него было таким четким и артикулированным, каким оно бывает только у студентов театральных училищ. Даже Лера, плохо знающая английский язык, понимала каждое слово.

– Мне понравились подземелья в Будапеште, – прошептал ей Виктор. – Там реальные старые подземелья... очень интересно.

– А здесь всего лишь большая комната страха.

Виктор виновато кивнул. Сказал:

– Зато прохладно.

Сентябрь в Эдинбурге выдался жарким. Утро Витя и Лера провели в королевском замке, центре туристического паломничества. Перекусили и выпили по пинте пива в одном из бесчисленных пабов. И вот – нашли куда спрятаться от полуденного солнца...

– Вы еще не передумали? – завопил лицедей в черном плаще.

За спиной Леры послышался негромкий плач. Она обернулась – и с удивлением обнаружила, что плачет взрослая уже, лет шестнадцати, девушка, стоявшая рядом с матерью и маленьким братом. Откуда-то из темноты вынырнули служители и быстро увели всю семью.

– Вот это обратная сторона европейского благополучия, – наставительно сказал Витя. – Разве в России взрослая девушка испугается комнаты страха? Слишком спокойная жизнь заставляет их бояться любых глупостей...

Лера поморщилась. Отец Виктора был политиком. Не очень крупным, но очень патриотичным, всегда и везде доказывающим ущербность западной цивилизации. Впрочем, это не помешало ему отправить сына учиться в Эдинбургский университет.

И Виктор, десять месяцев в году проводя за пределами родины, упорно повторял отцовскую риторику. Такого патриота, как он, в России было еще поискать. Это Леру порой смешило, а порой и немного злило.

К счастью, вступительная часть закончилась – и началось медленное передвижение по «Подземельям Шотландии». Под мостом, вблизи железнодорожного вокзала, в каких-то унылых бетонных помещениях предприимчивые люди разгородили маленькие клетушки. Ввернули слабые лампочки, развесили повсюду обрывки тряпок и синтетическую паутину. На стены поместили портреты маньяков и убийц, бесчинствовавших в Эдинбурге за его долгую историю. И стали развлекать детей.

– Это испанский сапог! – с завываниями сообщала девушка в лохмотьях, их гид в очередной комнате. – Страшное орудие пыток!

Дети визжали от восторга. Взрослые сконфуженно переглядывались, словно их застали за пусканием мыльных пузырей или игрой в куклы. Чтобы не скучать, Лера с Виктором становились позади и целовались под болтовню экскурсоводов. Они были вместе уже полгода. Обоих преследовало необычное ощущение, что этот роман станет для них чем-то особенным.

– Сейчас мы пройдем зеркальным лабиринтом! – сообщил экскурсовод.

Как ни странно, это оказалось действительно интересно. Лера всегда считала, что описание зеркальных лабиринтов, в которых можно заблудиться и со всего маху налететь лбом на стекло, – преувеличение. Ну как можно не увидеть, где зеркало, а где проход?

Оказалось, что можно. Оказалось, что очень даже легко. Они со смехом толкались в холодные зеркальные грани, размахивали руками, блуждали в галдящем людском хороводе, внезапно превратившемся из горсточки – в толпу. В какой-то момент Виктор призывно замахал кому-то рукой, а когда они все-таки вышли из лабиринта (дверь была тоже коварно замаскирована под зеркало), долго озирался.

– Кого-то ищешь? – спросила Лера.

– А, ерунда. – Виктор улыбнулся. – Чушь.

Потом было еще несколько залов с мрачными атрибутами средневековых тюрем, потом – «Кровавая река». Притихшие дети погрузились в длинную металлическую лодку, и та медленно поплыла по темной воде «в замок к вампирам». В темноте раздавались зловещие смешки и угрожающие голоса. Хлопали над головой невидимые крылья, журчала вода. Впечатление портило только то, что лодка проплыла от силы метров пять – дальше иллюзию движения создавали дуящие в лицо вентиляторы.

И все-таки Лере стало жутко. Стыдно за свой страх, но все-таки жутко. Они сидели на последней скамье, рядом никого не было, впереди стонали и хихикали изображающие вампиров актеры, сзади...

Сзади было пусто.

Но ей упорно казалось, что там кто-то есть.

– Витя, мне страшно, – беря его за руку, произнесла Лера.

– Глупая... – прошептал Виктор ей на ухо. – Только не заплачь, ладно?

– Ладно, – согласилась Лера.

– Ха-ха-ха! Вокруг злые вампиры! – подражая интонации актеров, произнес Виктор. – Я чувствую, как они крадутся ко мне!

Лера закрыла глаза и вцепилась в его ладонь покрепче. Мальчишки! Все они мальчишки, до седых волос! Ну зачем так пугать?

– Ай! – очень натурально воскликнул Виктор. И сказал: – Кто-то... кто-то кусает меня в шею...

– Дурак! – бросила Лера, не разжимая век.

– Лерка, кто-то пьет мою кровь... – грустно и обреченно произнес Виктор. – А мне даже не страшно... как во сне...

Дул холодный ветер из вентиляторов, хлюпала вода за бортом, завывали дикие голоса. Даже запахло чем-то, похожим на кровь. Виктор безвольно расслабил руку. Лера со злости больно ущипнула его за ладонь, но Виктор даже не вздрогнул.

– Мне же страшно, дубина! – почти в голос воскликнула Лера.

Виктор ничего не ответил, но мягко привалился к ней. Стало не так страшно.

– Я тебе сама горло перегрызу! – пригрозила Лера. Похоже, Виктор смутился. Молчал. Неожиданно для себя Лера добавила: – И всю кровь выпью. Ясно? Сразу... после свадьбы.

Она первый раз произнесла это слово применительно к их отношениям. И замерла, ожидая реакции Виктора. Ну не может холостой мужик не отреагировать на слово «свадьба»! Либо испугается, либо обрадуется.

Виктор, казалось, дремал на ее плече.

– Напугала? – спросила Лера. Нервно рассмеялась. Открыла глаза. Но вокруг все еще было темно, хотя завывания уже затихали. – Ладно... не буду кусать. И свадьба нам не нужна!

Виктор молчал.

Заскрипел механизм, железная лодка проплыла еще метров пять по узкой бетонной канавке. Зажегся неяркий свет. Галдящая детвора повалила на берег. Девочка лет трех-четырёх, одной рукой держась за маму, а палец

другой засунув в рот, все поворачивала голову, не отрывая взгляда от Леры. Что ее так заинтересовало? Девушка, говорящая на незнакомом языке? Нет, быть того не может, они же в Европе...

Лера вздохнула и посмотрела на Виктора.

А он и впрямь спал! Глаза были закрыты, на губах застыла улыбка.

– Ты что? – Лера легонько пихнула Виктора – и он стал мягко заваливаться, головой прямо на железный борт. Завизжав, Лера успела схватить Виктора (что происходит, да что ж это делается, почему он такой вялый, безвольный?) и уложить на деревянную скамью. На крик мгновенно появился еще один служитель – черный плащ, резиновые клыки, размаленные черным и красным щеки. Ловко прыгнул в лодку.

– Что-то случилось с вашим другом, мисс? – Парень был совсем молодой, наверное, ровесник Леры.

– Да... нет... я не знаю! – Она заглянула служителю в глаза, но тот и сам был растерян. – Помогите же мне! Его надо вынести из лодки!

– Возможно, сердце? – Парень наклонился, попытался взять Виктора за плечи – и отдернул руки, будто схватился за горячее. – Что это? Что за глупые шутки? Свет! Нужен свет!

Он все тряс и тряс ладонями, с которых слетали тягучие темные капли. А Лера, оцепенев, смотрела на неподвижное тело Виктора. Загорелся свет – яркий, белый, выжигающий тени, превращающий страшненький аттракцион в декорации убогого фарса.

Впрочем, фарс кончился вместе с аттракционом. На шее Виктора зияли две открытые раны с вывороченными краями. Из ран слабо, будто последние капли кетчупа из перевернутой бутылки, сочилась кровь. Редкие, толчками выкатывающиеся капли казались еще страшнее из-за глубины ран. Прямо над артерией... будто двумя бритвами... или двумя острыми зубами...

И тогда Лера начала кричать. Тонко и страшно, закрывая глаза, взмахивая руками в воздухе перед собой, будто маленькая девочка, на глазах которой самосвал размазал по асфальту любимого котенка.

В конце концов, в каждой женщине, даже самой взрослой, живет маленькая испуганная девочка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Как я смог это сделать? – спросил Гесер. – И почему этого не смог сделать ты?

Мы стояли посреди бескрайней серой равнины. Взгляд не фиксировал ярких красок в целой картине, но стоило всмотреться в отдельную песчинку, и та вспыхивала: золотом, багрянцем, лазурью, зеленью. Над головой застыло белое с розовым, будто молочную реку перемешали с кисельными берегами, да и выплеснули в небеса.

А еще дул ветер, и было холодно. Мне всегда холодно на четвертом слое Сумрака, но это индивидуальная реакция. Гесеру, напротив, было жарко: лицо покраснелось, по лбу стекали капельки пота.

– Мне не хватает Силы, – сказал я.

Лицо Гесера совсем побагровело.

– Ответ неправильный! Ты – Высший маг. Так получилось случайно, но ты – Высший. Почему Высших магов также называют магами вне категорий?

– Потому что разница в Силе между ними настолько незначительна, что не может быть исчислена, и невозможно определить, кто сильнее, а кто слабее... – пробормотал я. – Борис Игнатьевич, я понимаю. Но мне не хватает Силы. Я не могу пройти на пятый слой.

Гесер посмотрел себе под ноги. Поддел носком ботинка песок, подбросил в воздух. Шагнул вперед – и исчез.

Это что, совет?

Я подбросил перед собой песок. Шагнул вперед, тщетно пытаясь поймать свою тень.

Тени не было.

Ничего не изменилось.

Я по-прежнему оставался на четвертом слое. И становилось все холоднее – пар от моего дыхания уже не рассеивался белым облачком, а колючими иглами осыпался на песок. Развернувшись – это всегда проще психологически, искать выход позади, – я сделал шаг и вышел на третий уровень Сумрака. В бесцветный лабиринт изъеденных временем каменных плит, над которыми серело низкое застывшее небо. Кое-где по камню стелились высохшие стебли, похожие на прибитый морозом выюнок-переросток.

Еще шаг. Второй слой Сумрака. Каменный лабиринт накрыли переплетенные ветви...

И еще. Первый слой. Уже не камень. Уже стены и окна. Знакомые стены московского офиса Ночного Дозора – в его сумеречном обличье.

Последним усилием я вывалился из Сумрака в реальный мир. Прямо в кабинет Гесера.

Разумеется, шеф уже сидел в кресле. А я пошатываясь стоял перед ним.

Ну как, как он мог меня опередить? Ведь он пошел на пятый слой, а я начал выходить из Сумрака!

– Когда я увидел, что у тебя ничего не получается, – сказал Гесер, даже не глядя на меня, – то вышел из Сумрака напрямую.

– Из пятого слоя – в настоящий мир? – Я не смог скрыть удивления.

– Да. Что тебя удивляет?

Я пожал плечами. Ничего не удивляет. Если Гесер захочет преподнести мне сюрприз – у него будет огромный выбор. Я очень многого не знаю. И это...

– Обидно, – сказал Гесер. – Сядь, Городецкий.

Я сел напротив Гесера. Сложил руки на коленях, даже голову опустил, будто в чем-то чувствовал свою вину.

– Антон, хороший маг всегда достигает своего могущества в нужное время, – сказал шеф. – Пока не станешь мудрее – не станешь сильнее. Пока не станешь сильнее – не овладеешь высшей магией. Пока не овладеешь высшей магией – не влезешь в опасные места. У тебя ситуация уникальная. Ты попал под... – он поморщился, – заклятие «Фуаран». Ты стал Высшим магом, не будучи к этому готовым. Да, у тебя есть Сила. Да, ты умеешь ею управлять... и то, что ты с трудом делал раньше, теперь не составляет проблем. Сколько ты пробыл на четвертом слое Сумрака? И сидишь как ни в чем не бывало! Но вот то, чего ты не умел раньше...

Он замолчал.

– Я научусь, Борис Игнатьевич, – сказал я. – В конце концов, все признают, что я делаю значительные успехи. Ольга, Светлана...

– Делаешь, – легко признал Гесер. – Ты же не совсем идиот, чтобы не развиваться. Но сейчас ты напоминаешь мне неопытного водителя, который полгода покатался на «жигулях» – и вдруг сел за руль гоночного «феррари»! Нет, хуже, за руль карьерного самосвала, БелАЗа весом в двести тонн, что ползет себе по спирали, выезжает из карьера... а рядом пропасть в сотню метров! А там, внизу, едут другие самосвалы. Одно твое неверное движение, резкий поворот руля или дрогнувшая на педали нога – плохо будет всем.

– Понимаю. – Я кивнул. – Но я в Высшие не рвался, Борис Игнатьевич. Это вы меня отправили в погоню за Костей...

– Я тебя ни в чем не упрекаю и пытаюсь многому научить, – сказал Гесер. И довольно непоследовательно добавил: – Хотя ты однажды и отказался быть моим учеником!

Я промолчал.

– Даже не знаю, что и делать... – Гесер тарабанил пальцами по лежащей перед ним папке. – Гнать тебя на повседневные задания? «Школьница видела бомжа-оборотня», «В Бутово объявился вампир», «Колдунья по-настоящему колдует», «В моем подвале раздается таинственный стук»? Бессмысленно. С такой ерундой ты справишься за счет своей Силы. Учиться ничему не придется. Оставить тебя киснуть на кабинетной работе? Ты же сам этого не хочешь. И?..

– Вы же сами знаете, Борис Игнатьевич, – ответил я. – Дайте мне настоящее задание. Такое, чтобы я вынужден был развиваться.

В глазах Гесера мелькнула искорка иронии.

– Ага, сейчас. Организую нападение на спецхран Инквизиции. Или отправлю тебя штурмовать офис Дневного Дозора...

Он толкнул папку через стол:

– Читай.

Сам Гесер открыл точно такую же папку и погрузился в изучение исписанных от руки листочков из школьной тетради.

И откуда у нас в офисе эти старые картонные папки с растрепанными тесемками-завязочками? Были закуплены в прошлом веке в количестве нескольких тонн? Приобретены недавно у общества инвалидов-надомников с гуманитарными целями? Выпускаются на древнем комбинате в городе Мухосранске, принадлежащем мухосранскому Ночному Дозору?

Но факт остается фактом, в век компьютеров, копиров, прозрачных пластиковых «файликов» и крепких красивых папок с удобными фиксаторами наш Дозор пользуется рыхлым картоном и веревочками... Позорище, перед иностранными коллегами стыдно!

– На папки из материалов органического происхождения легко накладываются защитные заклинания, препятствующие дистанционному зондированию, – сказал Гесер. – По той же самой причине для обучения магии используются только книги. Текст, набранный на компьютере, магию в себе не сохраняет.

Я посмотрел в глаза Гесеру.

– Даже не собирался читать твои мысли, – сказал шеф. – Пока не научишься контролировать лицо – в этом нет необходимости.

Теперь и я почувствовал магию, пронизывающую папку. Легкое защитно-сторожевое заклинание, для Светлых не представляющее никаких проблем. Впрочем, и Темные его снимут без труда, но на шумят.

Открыв папку – Великий Гесер завязывал тесемки на бантик, – я обнаружил четыре свеженькие, еще пахнущие типографской краской газетные вырезки, факс и три фотографии. Три вырезки были на английском, на них я и сосредоточился в первую очередь.

Первая вырезка представляла собой короткую заметку о происшествии в туристическом аттракционе «Подземелья Шотландии». Как я понял, в этом заведении, довольно-таки банальном варианте комнаты страха, «из-за технических неполадок» погиб русский турист. «Подземелья» были закрыты, полиция проводит расследование и выясняет, нет ли в трагедии вины персонала...

Вторая заметка была куда подробнее. Про «технические неполадки» уже не было ни слова. Текст был немножко суховатым, даже педантичным. С нарастающим волнением я прочитал, что погибший, двадцатипятилетний Виктор Прохоров, учился в Эдинбургском университете, был сыном «русского политика», в «Подземелья» отправился вместе с невестой, прилетевшей из России Валерией Хомко, на руках которой и скончался от потери крови. В темноте туристического аттракциона кто-то перерезал ему горло. Или что-то перерезало. Бедолага сидел вместе с невестой в лодочке, которая медленно плыла по «Кровавой реке», мелкой канавке вокруг «Замка вампиров». Возможно, из стены торчала какая-то острая железка, которая и полоснула Виктору по шее?

Дочитав до этого места, я вздохнул и посмотрел на Гесера.

– У тебя всегда замечательно получалось... э-э-э... с вампирами, – сказал шеф, на секунду оторвавшись от своих бумаг.

Третья заметка была из какой-то «желтой» шотландской газетенки. И вот тут, конечно же, автор рассказал страшную историю про современных вампиров, которые во мраке аттракционов сосут кровь своих жертв. Единственной оригинальной деталью было утверждение журналиста, что обычно вампиры высасывают своих жертв не насмерть. Но русский студент, как положено русскому, был настолько пьян, что бедный шотландский вампир тоже захмелел и увлекся.

Несмотря на всю трагичность истории, я засмеялся.

– «Желтая» пресса – она во всем мире одинакова, – сказал Гесер, не

поднимая глаз.

– Самое ужасное, что так все и было, – сказал я. – Кроме пьянства, конечно.

– Кружка пива за обедом, – согласился Гесер.

Четвертая вырезка была из какой-то нашей газеты. Некролог. Соболезнования Леониду Прохорову, депутату Государственной Думы, чей сын трагически погиб...

Я взял листок факса.

Это, как я и предполагал, было донесение от Ночного Дозора города Эдинбурга, Шотландия, Великобритания.

Немного необычным оказался лишь адресат – сам Гесер, а не оперативный дежурный или руководитель международного отдела. И тон письма – чуть более личный, чем полагается в официальных документах.

А содержание меня не удивило.

«С прискорбием сообщаем... по результатам тщательно проведенного дознания... полная потеря крови... признаков инициации не выявлено... проведенные поиски результатов не дали... привлечены лучшие силы... если московское отделение считает необходимым направить... передавай самые теплые приветы Ольге, очень рад за тебя, старый ко...»

Второй листок факса отсутствовал. Видимо, там был исключительно личный текст. Поэтому и подписи я не увидел.

– Фома Лермонт, – сказал Гесер. – Глава шотландского Дозора. Старый друг.

– Ага... – задумчиво протянул я. – Значит...

Наши взгляды опять встретились.

– Нет уж, родственник ли он Михаилу Юрьевичу – сам спросишь, – сказал Гесер.

– Я о другом. «Ко» – это «командир»?

– «Ко» – это... – Гесер запнулся и с явным недовольством покосился на листок. – «Ко» – это «ко». Это тебя уже не касается.

Я посмотрел на фотографии. Молодой человек – это и был бедолага Виктор. Девушка – совсем юная. Его невеста, что тут гадать. И мужик постарше. Отец Виктора?

– Косвенные данные говорят о нападении вампира. Но почему ситуация требует нашего вмешательства? – спросил я. – Наши соотечественники частенько гибнут за рубежом. И от вампиров – тоже. Вы не доверяете Фоме и его подчиненным?

– Доверяю. Но у них мало опыта. Шотландия – мирная, уютная, спокойная страна. Они могут не справиться. А ты частенько имел дело с вампирами.

– Конечно. И все-таки? Дело в том, что его отец – политик?

Гесер поморщился:

– Да какой он политик? Бизнесмен, пробрался в депутаты, на голосованиях жмет кнопки потихоньку.

– Коротко и ясно. Но не верю, что нет особой причины.

Гесер вздохнул:

– Отец юноши двадцать лет назад был определен как потенциальный Светлый Иной. Довольно сильный. От инициации отказался, объявив, что хочет остаться человеком. Темных сразу же послал прочь. Но с нами поддерживал некоторые контакты. Иногда помогал.

Я кивнул. Да, случай редкий. Нечасто люди отказываются от таких возможностей, что открываются перед Иными.

– Можно сказать, что я чувствую себя виноватым перед Прохоровым-старшим, – сказал Гесер. – И если уж не могу помочь сыну... то не позволю его убийце уйти безнаказанным. Ты поедешь в Эдинбург, найдешь этого сумасшедшего кровососа и развеешь по ветру.

Это был приказ. Но я и без того не собирался спорить.

– Ко... – я невольно запнулся, – когда лететь?

– Зайди в международный отдел. Тебе должны были подготовить документы, билеты, деньги. И легенду.

– Кому легенду? Мне?

– Да. Будешь работать неофициально.

– Контакты?

Гесер почему-то нахмурился и глянул на меня с непонятым подозрением:

– Только с Фомой... Антон, хватит издеваться!

Я непонимающе смотрел на Гесера.

– «Ко» – это начало слова «кобель», – буркнул Гесер. – Молодость, знаешь ли... вольные нравы эпохи Ренессанса... Все, иди! И постарайся вылететь ближайшим рейсом. – Он мгновение помедлил, но все-таки добавил: – Если Светлана не будет против. А если будет, то скажи, я постараюсь ее убедить.

– Она будет против, – уверенно сказал я.

И все-таки на что обиделся Гесер? И почему разъяснил мне про «кобеля»?

Светлана поставила передо мной тарелку, полную жареной картошки с грибами. Следом на столе оказались вилка и нож, солонка, соленые огурцы на блюде, рюмка и маленький, на сто граммов, графинчик с водкой. Графинчик был только что из холодильника и в тепле мгновенно запотел.

Идиллия!

Мечта мужчины, пришедшего с работы. Жена хлопчет у плиты и подает на стол вкусные и вредные вещи. Хочет о чем-то меня попросить? Дочка

тихо играет с конструктором – в пять лет она перестала интересоваться куклами. Строит, впрочем, не машинки и самолетики, а маленькие домики, может, архитектором станет?

– Света, меня командируют в Эдинбург, – на всякий случай повторил я.

– Да, я слышала, – спокойно ответила Светлана.

Графинчик на столе приподнялся. Притертая пробка выкрутилась из горлышка. Холодная водка тягучей прозрачной струйкой потекла в рюмку.

– Мне сегодня ночью лететь, – сказал я. – До Эдинбурга рейса нет, так что лечу в Лондон, там пересадка...

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)